

Исмайлова С.Р.♦

DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2018.57.203-219

**Проблемы соотношения международного и
внутригосударственного права в области защиты прав человека**

Аннотация: Международно-правовые обязательства государства в области прав человека являются предметом заботы всего международного сообщества и составляют вопрос повышенной важности. Из этого, однако, не следует, что внутригосударственные отношения в сфере прав человека непосредственно регулируются международно-правовыми нормами. Иной подход противоречил бы буквальному содержанию указанных документов и был бы проявлением современного монизма с приматом международного права. Монизм в данной области полностью нивелировал бы роль государства в регулировании прав человека, которое изначально шире, чем международное регулирование.

Применение монизма в сфере прав человека опасно не только тем, что оно вводит в заблуждение относительно объектов регулирования международного и внутригосударственного права. Монизм в области прав человека направлен на то, чтобы оправдать произвольное международное вмешательство во внутренние дела государств в рамках принципа «ответственность за защиту» и, как следствие, обосновать правомерность односторонней гуманитарной интервенции.

Ключевые слова: права человека; международное право; внутригосударственное право; монизм; международные стандарты.

♦ **Исмайлова Севиндж Рауф кызы** - докторант Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики, доктор философии права (Азербайджан). E-mail: sevism@rambler.ru

Несмотря на то, что развитие прав человека изменило международное право и превратилось в важнейший фактор межгосударственных отношений, однако до настоящего времени ряд проблем, касающихся нормативного взаимодействия международного права прав человека и национального права, не получил единообразного теоретического решения. В частности, нет единого мнения по поводу разграничения объектов регулирования международного и внутригосударственного права в области защиты прав человека.

Так, Н.И. Матузов утверждает, что права человека внетерриториальны и вненациональны, а их признание, соблюдение и защита – объект международного регулирования [5, с. 24].

Профессор Даремского университета Фиона де Лондрас называет международное право прав человека «новым» международным правом, которое непосредственно регулирует отношения государства с индивидами. Она утверждает, что в вопросах взаимоотношения личности с государством международное и национальное право одновременно применяются в одной сфере [9, с. 5].

Аналогичного взгляда придерживается и профессор Питтсбургского университета Рональд Брэнд. Он полагает, что XX век продемонстрировал новое доказательство прямого применения международного права к отношениям между индивидом и государством: в сфере экономических отношений международное право формирует правила, предоставляющие права индивидам в их отношениях с государствами. Непосредственное действие международного права прав человека Р. Брэнд связывает с тем, что развитие данной отрасли установило серьезные ограничения для поведения государств и их суверенитетов [8, с. 290-294].

Похожую аргументацию использует Милена Стерио, которая полагает, что права человека ограничили государственный суверенитет, поскольку

государства более не могут делать в пределах своих границ все, что захотят, и что новые права человека требуют от государств (как и от индивидов) воздерживаться от определенных действий, а другие действия - совершать. Она также считает, что нормы международного права прав человека регулируют внутригосударственные отношения [11, с. 13-14]. В обоснование своей позиции Стерио ссылается на Доклад Международной комиссии по интервенции и государственному суверенитету 2001 года.

Интересна точка зрения немецкого профессора Нико Криш, который пришел к выводу, что классическое деление права на национальное и европейское право прав человека более не актуально: они не являются обособленными правопорядками, но и не стали единым целым. Возникающий порядок он называет плюралистическим: отношения между частями регулируются в большей степени не нормами права, а политикой, зачастую судебной. Данная система характеризуется как гетерархия, а не иерархия. В ней нет ни основных норм, ни верховной власти, разрешающих конфликты. Вместо этого существуют разные нормы и разные акторы, борющиеся за власть [10, с. 4].

Представляется, что признание внутригосударственных отношений в области прав человека объектом международного регулирования, может быть, отчасти связано с содержанием некоторых международно-правовых документов. Так, в решении по делу *Barcelona Traction* Международный Суд ООН указал, что предметом заботы всех государств являются обязательства государства перед международным сообществом (*erga omnes*) и что такие обязательства возникают в современном международном праве, например, из принципов и норм, касающихся основных прав человека.

В преамбуле Документа Московского совещания конференции по человеческому измерению СБСЕ от 03.10.1991 г. говорится о том, что «...вопросы, касающиеся прав человека, основных свобод, демократии и

верховенства закона, носят международный характер, поскольку соблюдение этих прав и свобод составляет одну из основ международного правопорядка. Они [государства-участники] категорически и окончательно заявляют, что обязательства, принятые ими в области человеческого измерения СБСЕ ... не относятся к числу исключительно внутренних дел соответствующего государства» [2].

Приведенные положения свидетельствуют о том, что международно-правовые обязательства государства в области прав человека являются предметом заботы всего международного сообщества и составляют вопрос повышенной важности [4, с. 57-62]. Из этого, однако, не следует, что внутригосударственные отношения в сфере прав человека непосредственно регулируются международно-правовыми нормами. Иной подход противоречил бы буквальному содержанию указанных документов и был бы проявлением современного монизма с приматом международного права. Монизм в данной области полностью нивелировал бы роль государства в регулировании прав человека, которое изначально шире, чем международное регулирование.

Именно на государстве лежит бремя определять конкретные внутригосударственные способы реализации международных обязательств в области прав человека. Поэтому справедливым представляется высказывание Л.Х. Мингазова, который отметил, что «реализация (осуществление) прав человека включает в себя обязанности государств уважать, защищать и реализовывать права человека» [6, с. 91]. Например, международное право закрепляет право человека на труд. Реализации этого права посвящены национальные трудовые кодексы, законы и подзаконные акты. Эти документы регулируют не только общие отношения в сфере труда, но и множество частных вопросов, которые определяют условия и порядок осуществления права на труд.

Так, статья 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. запрещает дискриминацию только в отношениях, урегулированных статьями данной конвенции. При этом законодательство Великобритании подробно описывает области, где дискриминация незаконна, а 14-ая поправка к Конституции США является наиболее открытой и широкой: она устанавливает недопустимость отказа кому-либо в равной защите закона [7, с. 112].

Таким образом, национально-правовое регулирование прав человека не только всегда осуществляется, но зачастую оказывается шире международного.

Что касается научных взглядов М. Стерно, то оценка их не однозначна. Ее позиция основана на Докладе Международной комиссии по интервенции и государственному суверенитету 2001 г. Согласно п. 1.33 этого Доклада, «развивающееся международное право установило много ограничений в отношении того, что государства могут делать, причем не только в сфере прав человека. Возникающая концепция безопасности человека создала дополнительные требования и ожидания в отношении того, как государства должны обращаться со своим народом». В пунктах 1.35, 1.36 Доклада развивается мысль о том, что в международном праве сформировалось новое понимание государственного суверенитета как ответственности: 1) внешней - уважать суверенитет других государств и 2) внутренней - уважать достоинство и основные права всех людей в данном государстве [1]. Доклад обосновывает идею о том, что ввиду изменившейся природы государственного суверенитета в международном праве появился новый принцип – «ответственность за защиту людей», суть которого в следующем: каждая страна несет ответственность за защиту собственных граждан от массовых убийств и этнических чисток; если страна не способна или не хочет делать этого, то международное сообщество должно начать военную

интервенцию в целях защиты прав человека. Принятие таких мер Доклад допускает и в отсутствие согласия Совета Безопасности ООН. Термин «право на интервенцию» в Докладе заменен более мягким понятием «ответственность за защиту людей», хотя из содержания Доклада видно, что никакой разницы между ними нет.

Полагаем, что именно такую ситуацию старались не допустить юристы-международники, когда развивали идеи диалектического дуализма и ревностно отстаивали неприкосновенность государственного суверенитета. Описанный выше Доклад представляет собой неубедительную попытку возвести преступную политику и практику отдельных государств в ранг нормы международного права. Общеизвестно, что государственный суверенитет охраняется нормами *jus cogens*, которые могут быть отменены или изменены только аналогичными нормами. На сегодняшний день подобного изменения правил о государственном суверенитете не произошло. Основополагающие источники международного права единогласно требуют уважения государственного суверенитета и запрещают вмешиваться во внутренние дела. Более того, государства не отказывались от своих суверенитетов и не принимали их толкования, изложенного в Докладе. В отсутствие волеизъявления государства ограничение его суверенитета невозможно. В противном случае такое ограничение нарушает международное право и влечет юридическую ответственность деликвента. Таким образом, идеи, отраженные в Докладе, противоречат международному праву. Доклад представляет собой угрозу национальной безопасности всех без исключения государств. В основе Доклада лежит грубая теоретическая ошибка: он допускает регулирование международным правом внутригосударственных отношений.

В свете сказанного верным представляется тезис В.Д. Зорькина о том, что наиболее активно идею «отмирания» государственного суверенитета

развивают юристы, придерживающиеся концепции радикального монизма. Согласно данной концепции, понятия, связанные с государственным суверенитетом, должны быть полностью устранены из правовой теории и практики [3].

Таким образом, применение монизма в сфере прав человека опасно не только тем, что оно вводит в заблуждение относительно объектов регулирования международного и внутригосударственного права. Монизм в области прав человека направлен на то, чтобы оправдать произвольное международное вмешательство во внутренние дела государств в рамках принципа «ответственность за защиту» и, как следствие, обосновать правомерность односторонней гуманитарной интервенции.

Рассматривая вопрос об объектах регулирования международного и внутригосударственного права в области защиты прав человека, предпочтительнее отталкиваться от дуалистической традиции. В связи с этим следует обратиться к концепции С.В. Черниченко об объективных и субъективных границах правовых систем. Напомним, объективные границы - это всегда существующая разделительная линия, не допускающая смешения предметов регулирования международного и национального права. Субъективные границы - это рубежи, определяемые субъектами международного права на основании соглашения, они означают пределы, за которые нельзя «перешагивать». Данная теория является универсальной и в полной мере подходит к правам человека.

Существуют две сферы отношений по правам человека: первая регулируется на международном уровне, вторая - на внутригосударственном. Эти сферы представляют собой различные объекты нормативного воздействия, которые разделены объективной границей, поэтому не пересекаются. Международное и национальное право не вторгаются напрямую в сферы регулирования друг друга. При этом в результате

возникновения общественных отношений, требующих урегулирования, растет объем международной и внутригосударственной правовой базы, посвященной правам человека. В силу взаимодействия двух правовых систем расширение объема международного регулирования часто влечет аналогичное расширение в национальном праве. Данный процесс может идти и в обратном порядке. Образно выражаясь, международная и национальная системы «подражают» друг другу. В отношении прав человека эти изменения происходят наиболее динамично и приводят к быстрому и постоянному росту нормативно-правовой базы как международной, так и внутригосударственной.

Библиография

1. Доклад Международной комиссии по интервенции и государственному суверенитету 2001 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://responsibilitytoprotect.org>.
2. Документ Московского совещания конференции по человеческому измерению СБСЕ от 03.10.1991 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Зорькин В.Д. Верховенство права и императив безопасности // Российская газета. - 2012.-16 мая.
4. Малиновский О.Н., Кубрак В.С. К проблеме абсолютизации прав человека и их ограничений в контексте Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и российского законодательства / Общество: политика, экономика, право. Выпуск № 9, 2018, с. 57-62.
5. Матузов Н.И. Теория и практика прав человека в России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1998. № 4, с. 22-24.

6. Мингазов Л.Х. Проблемы эффективности защиты прав человека в международном и российском праве // Всеобщая декларация прав человека и актуальные вопросы ее применения в российском и международном праве: сборник материалов международной научно-практической конференции, 24-25 октября 2008 г., посвященной 60-летию принятия ООН Всеобщей декларации прав человека. - Казань, 2009. - С. 89-104.

7. Barendt Eric. The equal protection of the laws // Oxford journal of legal studies. 1982. vol. 2, № LP, pp. 111-121.

8. Brand A.R. Sovereignty: The State, the Individual, and the International Legal System in the Twenty First Century // Hastings International and Comparative Law Review. 2002. vol. 25. P. 279-295.

9. De Londras Fiona. Dualism, Domestic Courts and the Rule of International Law // SSRN.COM: Social Science Research Network. 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ssrn.com/abstractM393293>.

10. Krisch Nico. The Open Architecture of European Human Rights Law. // SSRN.COM: Social Science Research Network. 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ssrn.com/abstract=1018991>.

11. Sterio Milena. The Evolution of International law // SSRN.COM: Social Science Research Network. 2008. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ssrn.com/abstract=1104723>.